

УДК 93/94

UDC 93/94

**КОНСЕРВАТИВНАЯ РОССИЙСКАЯ
ОБЩЕСТВЕННОСТЬ В БОРЬБЕ ЗА
РЕВИЗИЮ ОСНОВ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ
1864 Г.****CONSERVATIVE RUSSIAN PUBLIC
IN THE STRUGGLE FOR 1864
COURT REFORMS BASES REVISION**Галкин Александр Георгиевич
к.ю.н, доцентGalkin Alexander Georgievich
Cand.Law.Sci., associate professor*Кубанский государственный аграрный
университет, Краснодар, Россия**Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia*

В статье освещены основные этапы эволюции
судебной системы имперской России в свете
реформы 1864 г., осмыслено содержание
общественных дискуссий по проблемам
развития российского правосудия

Main stages of Imperial Russia court system
evolution in the light of 1864 reforms were
covered and the content of public discussions
on the problems of Russian legislature development
was interpreted

Ключевые слова: СУДЕБНАЯ РЕФОРМА,
СУД ПРИСЯЖНЫХ, ПРАВОСУДИЕ,
РОССИЙСКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ

Keywords: COURT REFORMS, JURY,
LEGISLATURE, RUSSIAN CONSERVATISM

В середине XIX столетия Россия представляла собой феодально-крепостническое государство с весьма неэффективной системой сословного судоустройства и судопроизводства. Ситуация в указанной сфере характеризовалась полной зависимостью судей от исполнительной власти, господством следственного принципа, наличием множества видов суда и судебных инстанций. Сложившееся в обществе острое недовольство работой судебной системы накапливалось, длительное время не находя адекватного отзыва во властных структурах. Перспективы модернизации данной сферы, даже непосредственно в предреформенные годы, казались сомнительными. В частности, будущий реформатор Александр II 8 ноября 1857 г. наложил на один из проектов реформы судебной системы следующую резолюцию: «Мы еще не довольно зрелы для введения у нас гласности и адвокатов» [1].

И все же отмена в 1861 г. крепостного права, изменившая социальный статус основной массы населения страны, последующее развитие рыночных отношений, укрепление института собственности настоятельно потребовали отмены устаревших правовых форм, что в основном и было реализовано судебной реформой 1864 года.

Реформа установила смешанный порядок по образцу государств с континентальной моделью права (в первую очередь Франции), разделявший разбирательство уголовного дела на две стадии: предварительное и окончательное (судебное) разбирательство. Предварительное производство оставалось негласным и письменным, не знавшим равноправия сторон. Участие защиты в стадии предварительного расследования разделило ту же участь, что и суд присяжных по государственным преступлениям. Устав уголовного судопроизводства закреплял лишь согласно ст. 265 обязанность судебного следователя с полным беспристрастием приводить в известность как обстоятельства, уличающие обвиняемого, так и обстоятельства, его оправдывающие. На практике применение данной статьи было тесно связано с вопросом о пределах расследования, в особенности в отношении сведений личного характера. В связи с этим Сенат разъяснил: «Целью расследования должно быть лишь то преступное деяние, со всею его обстановкою, определяющею род, состав и условия, и юридическое значение учиненного, за которое подлежит ответственности лицо, его учинившее. Личность преступника, его характер, род занятий и т.п. должны подлежать расследованию лишь настолько, насколько они служат действительным и необходимым пособием для уразумения мотивов преступной деятельности, случайности или закоренелости преступной воли. Только в этом значении может подлежать обследованию и прошлое преступника» [2]. Напротив, вторая стадия – судебное разбирательство, основывалась на началах гласности, устности и состязательности при свободной оценке доказательств, рассмотренных судом в процессе гласного судебного разбирательства [3].

Общество приняло судебную реформу 1864 г. и новые судебные учреждения с огромным воодушевлением, проявившимся в самых различных формах. Восторженные отзывы о новом суде заполнили

страницы российской периодики, проблемы суда стали предметом горячего обсуждения в различных общественных собраниях, первые публичные судебные процессы проходили при переполненных залах [4].

Впрочем, на практике ход реформы оказался весьма противоречивым, нередко болезненным. Излишняя самостоятельность нового суда объективно противоречила российской правовой традиции, несла в себе предпосылки его предстоящих неизбежных конфликтов с бюрократией. Уже первые процессы 1866-1867 гг. показали, что суд присяжных весьма остро реагирует на давление администрации, выносит приговоры, совершенно не отвечавшие ее настроениям. Ситуацию дополнительно осложнило общее ухудшение внутривластного положения в стране, в силу которого уже начало работы новых судов проходило в чрезвычайных условиях, связанных с покушением на цареубийство (4 апреля 1866 г.).

Последнее обстоятельство благоприятствовало проведению первых мероприятий, направленных на пересмотр основ реформы 1864 года. Их вдохновителем выступила верхушка российской бюрократии, прежде всего, министр внутренних дел П.А. Валуев. Историк судебной реформы Г.А. Джаншиев отмечал, что раздражение министра против нового суда было столь велико, что он после первых же «неудачных» для МВД процессов 1866-1867 гг. добился изъятия из ведения суда присяжных уголовных дел о наиболее серьезных государственных преступлениях (переданы в особое учреждение судебно-административного состава). В то же время в ведение коронного суда были отданы дела о спорных публикациях в печати. Теперь в качестве первой инстанции их рассматривала судебная палата (новелла от 12 декабря 1866 г.) [5].

В целом, в правительственных кругах после 1866 г. царил весьма своеобразная атмосфера. Громко приветствуя судебную реформу, в то же время, здесь готовили и осуществляли систему мер, направленных на ее

ревизию. Практически сразу под ударом бюрократии оказались все независимые структуры – судебный корпус, несменяемые судебные следователи, адвокатура и т.д. Потерпев неудачу планов смещения только что введенных «несменяемых» судей, руководство МВД и Минюста особое внимание уделяло ужесточению законодательства, а также техническим вопросам регулирования судебной сферы, особенно в сфере прокурорского надзора, следствия. В контексте начатой контрреформы центральное место заняли также вопрос о суде присяжных и проблема проведения процессов, носящих политический характер.

Впрочем, нужно признать, что первоначально данный аспект эволюции судебной системы не вызывал у правительства особых опасений. Отчасти это подтвердил первый гласный судебный политический процесс, по имени его главного фигуранта вошедший в историю как «нечаевское дело». Связанное с ним судебное разбирательство приковывало внимание публики почти два месяца и окончилось 27 августа 1871 года. При этом общественность оказалась практически единодушной в своем осуждении политических преступников. С одной стороны, глубокие реверансы в отношении суда, его объективности, а также к дарованным «свободам» ожидаемо выразила правая печать [6]. С другой стороны, в основном с нею солидаризовались либеральные публицисты, в частности, отмечавшие: «Главный результат процесса, по нашему мнению, выразился в том, что он дал случай нашей литературе высказать чувства, которые одушевляют ее». По их общему настроению, «в виду общественной опасности, распри забыты», общество сплотилось, а пресса опровергла распространенное мнение о неблагонадежности части изданий. Поэтому, по мнению либерального сообщества: «В виду единодушного, и притом совершенно свободного взрыва негодования, последовавшего чуть не на другой день после первого заседания судебной палаты», вряд ли представлялось целесообразным

далее усиливать «строгости» в отношении печати [7].

Относительную однородность общественных настроений в данной ситуации отчасти нарушил конфликт более последовательных консерваторов и части просвещенной бюрократии, нашедший отражение в полемике «Московских Ведомостей» и «Санкт-Петербургских Ведомостей». Начало ему положили москвичи, не вполне удовлетворенные ходом и манерой ведения судебного разбирательства и упрекавшие суд в излишней мягкости. В частности, «Московские Ведомости» полагали, что в суде «была снята шляпа перед русскою революцией», что «нигилизму перед лицом суда воздан некоторый почет» [8].

В свою очередь, данные обвинения вызвали протест столичного издания, вставшего на защиту авторитета власти. Акцентируя внимание на важности миссии нового суда, «Санкт-Петербургские Ведомости» отмечали: «Мы думали, что редакция этой газеты посовестится по крайней мере посягать на наш суд в ту минуту, когда на долю его выпала такая трудная и, если можно так выразиться, щекотливая задача, как первое применение гласного разбирательства по делу о государственном преступлении в России». Постоянно апеллируя к «опыту Запада», практике, принятой «во всех образованных государствах», газета доказывала, что суд в данном процессе оказался на высоте: «ни один из защитников не сказал ничего такого, что не должно быть терпимо в стране, где сколько-нибудь уважается свобода мысли и слова, равноправность сторон на суде». Напротив: ««Московские Ведомости» попытались без всякого основания поколебать доверие к нашему суду в отношении к публичному разбирательству дел о государственных преступлениях» [9].

В целом, единодушие по вопросу организации и деятельности новых судов в обществе было довольно иллюзорным. Его не существовало даже в правительственном лагере. Причем, как не парадоксально, с одной стороны, новые институты в основном сохраняли свой статус, в

значительной степени, благодаря позиции верховной власти. С другой стороны, все чаще сталкиваясь с независимостью судов, правительство не могло не изменять наиболее неудобных для него норм судебных уставов 1864 года. Прежде всего, оно пошло по пути ограничения сферы действия суда присяжных.

Суд присяжных вызвал все более неоднозначную реакцию и в обществе. При этом часть тех деятелей, которые горячо поддерживали необходимость введения суда присяжных в 1860-е гг., в 1870-е гг. совершенно разочаровались в этом институте. Причиной тому стали довольно многочисленные судебные решения, укреплявшие убеждение в том, что суд присяжных в очень многих случаях выносил слишком мягкие вердикты, не соответствовавшие тяжести совершенных преступлений. Заметим, что эту точку зрения разделяли не только крайне правые, к примеру, редактор журнала-газеты «Гражданин» В.П. Мещерский [10], но и такой известный публицист как М.Н. Катков [11]. Радикально изменив свою позицию к началу 1870-х гг., смыслом своей деятельности они сделали не только разоблачение судебных ошибок, недостатков судопроизводства, но и обоснование идеи неразвитости правосознания российской общественности, неготовности русского народа к суду присяжных.

Данные настроения части образованного общества закрепила волна террора народников, прокатившаяся во второй половине 1870-х – начале 1880-х годов. В частности, большой общественный резонанс имел оправдательный приговор по делу В. Засулич (1878г.), давший толчок новому наступлению на суд присяжных. Дальнейшая корректировка взглядов правительства нашла отражение в законе 9 мая 1878 г., сильно сократившим компетенцию суда присяжных. Впервые закон 9 мая 1878 г. вносил столь существенные изменения в определении подсудности окружных судов с участием присяжных заседателей. Согласно этому

закону из компетенции суда присяжных был изъят и передан Судебной Палате, Правительствующему Сенату и Верховному Уголовному суду целый ряд дел, в том числе преступления против власти и должностных лиц. Такие дела решались с участием сословных представителей. Нововведение объяснялось тем, что «установленный Судебными уставами по делам этого ряда общий порядок судопроизводства не мог служить достаточной гарантией строгой репрессии упомянутых преступлений» [12]. Считалось, что это будет временная мера. Однако на деле она стала постоянной.

По мере усиления политического террора, в конце 1870-х гг. даже сенаторы, имевшие статус судей, были сочтены ненадежными, и правительство перепоручило основную массу дел по политическим преступлениям военным судам [13]. В данной связи, пресса конца 1870-х – начала 1880-х годов оказалась переполненной сообщениями о заседаниях военно-окружных судов.

Явной жертвой этапа реакции рубежа 1880-х гг. стал и мировой суд, в частности, существенно опороченный в глазах консерваторов в связи с очередным покушением на Александра II: «Следствием, проведенным над государственным преступником Соловьевым, установлено, что он был в сношениях с одним из мировых судей самарского судебно-мирового округа, что обнаружилось найденными при обыске у мирового судьи книгами запрещенного содержания и компрометирующей его переписки». И хотя мировые судьи этого округа немедленно заявили о своем возмущении поведением коллеги, а Александр II поблагодарил их «за выраженные чувства» [14], в принципе, имидж и будущая судьба мирового суда в России была предопределена.

В условиях революционного кризиса рубежа 1870-1880-х годов судебные инстанции России оказались под мощным ударом критики «справа». Отметая обвинения в тенденциозности данной критической

волны, обращаясь к либералам, близкий к МВД еженедельник «Отголоски» отмечал, что общество постоянно ищет в таких действиях «врагов реформ»: «Таким образом может быть признан врагом судебной реформы всякий, кто позволит себе утверждать, что у нас речи прокуроров и защитников часто произносятся для стенографов, более чем для суда; или что наши присяжные не понимают своих обязанностей, неправильно переносят предлагаемый им вопрос о виновности или невиновности подсудимого из области фактов в область смягчающих или усиливающих вину обстоятельств, и противозаконно присваивают себе державное право помилования» [15].

Данная тенденция закрепляется при новом российском монархе. Поскольку даже в условиях реакции многие решения суда присяжных зачастую шли вразрез с правительственным курсом, в 1880-е гг. на страницах печати все более разгоралась дискуссия за и против суда присяжных. И если сторонники суда присяжных подчеркивали его демократизм, то противники стремились показать недостатки, приводя реальные факты из его практики. Так, к примеру, «Отголоски» обратили особое внимание на вердикт суда присяжных, оправдавшего крестьян деревни Врачево Новгородской губернии, обвиненных в сожжении считавшейся колдуньей солдатки Игнатьевой. Нужно признать, что при этом еженедельник вполне оправдано заключил: «При оправдании судом таких случаев, в народном сознании неизбежно сложится убеждение, что само правительство или, как говорит простой народ, начальство дозволяет самосуд» [16].

В еще большей степени споры в обществе вызывали процессы, имевшие политический оттенок и, как правило, заканчивавшиеся победой либеральной общественности над реакцией. В частности, в который раз мысль о том, что присяжными нельзя руководить, что они действуют сообразно пониманию обществом текущей ситуации, правительству

доказал процесс по делу о Морозовской стачке. Вопреки давлению извне, присяжные заседатели, почувствовав, что ими пытаются манипулировать, да еще столь явно, вынесли свой оправдательный вердикт. Тем самым обществу был дан сигнал о важности урегулирования отношений между фабрикантами-хозяевами и рабочими, о необходимости последовательно решать рабочий вопрос законодательным путем.

В то же время, для консерваторов этот процесс стал новым подтверждением нежизнеспособности суда присяжных. Они настаивали на том, что на деле суд происходил не над подсудимыми, а над потерпевшими, т.е. над администрацией мануфактуры. Соответственно, оправдательный вердикт был назван ими салютом в честь «рабочего вопроса» [17]. Развивая в дальнейшем данную тему, известный «полициевед» В. Фукс отмечал: «Таким образом, подсудимые не то что помилованы, но оправданы. Все их буйства, пропаганда Мосеенко и Луки Иванова признаны не подлежащими каре закона: можно, стало быть, безнаказанно не только бить стекла, но и грабить лавки, ломать станки, нападать на директора фабрики, даже на военный караул. Вот мораль, к которой приводит решение присяжных по делу о Морозовской мануфактуре» [18].

В целом, 1880-е годы стали временем наступления консерваторов на фундаментальные основы судебной реформы. Так, в письме Александру III 30 июля 1883г. К.П. Победоносцев, характеризуя ситуацию в сфере судопроизводства, отмечал: «суд, первое орудие государственной власти, ложно поставленный учреждениями, ложно направленными, - суд в расстройстве и бессилии. Вместо упрощения он усложнился и скоро уже станет недоступен никому, кроме богатых и искусных в казуистической формалистике». По мнению К.П. Победоносцева, высказанном в одной из статей, опыт Англии с трудом приживался и в мире, и, особенно, в России, где отсутствовало «крепкое судебное сословие, веками воспитанное,

прошедшее строгую школу науки и практической дисциплины». Вместо этого в стране на передний план вышла «быстро образовавшаяся толпа адвокатов, которым интерес самолюбия и корысти сам собою помогает достигать вскоре значительного развития в искусстве софистики и логомахии, для того, чтобы действовать на массу». Их жертвой в первую очередь стало «смешанное стадо присяжных, собираемое или случайно, или искусственным подбором из массы, коей недоступны ни сознание долга судьи, ни способности осмыслить массу фактов, требующих анализа и логической разборки». Российское общество при этом оказалось совершенно не зрелым, не готовым к созидательной работе. Характеризуя доминирующие в нем настроения, К.П. Победоносцев констатировал: «Суды наши плачут по юристам, по опытным практикам, преданным делу из-за самого дела; университеты наши плачут по юристам-профессорам, облюбившим свое дело, как дело жизни; а юристы наши – ученые и практики – едва сойдутся, - глядишь, скоро уже готовы разорвать друг друга из-за подозрения в ретроградности, в клерикализме, в радикализме, из-за идеи наказания, из-за идеи суда присяжных, из-за гражданского брака, из-за тюремного устройства той или другой системы» [19].

Подобная реакция консервативно настроенной части общества на оправдательные решения присяжных заседателей, а также стремление Александра III сузить рамки Судебных уставов 1864 г. привели к созданию новой программы судебных преобразований. В частности, концепция, направленная на ограничение и фактическое уничтожение суда присяжных путем постепенного изъятия из его компетенции ряда дел, была изложена К.П. Победоносцевым в «Проекте записки о реформе судебных учреждений» в 1885 г. В нем он изложил свое понимание суда присяжных, действующего в России. По его мнению, учреждение этого института оказалось ложным, не соответствующим условиям быта и устройству судов, и «как ложное в существе своем и в условиях, послужило и. служит

к губельной деморализации общественной совести и к извращению существенных целей правосудия» [20].

Результатом отмеченной полемики стало сокращение компетенции суда присяжных путем принятия ряда законодательных актов: «Вторая половина 80-х годов, бывшая свидетелем «манасейновских новелл», нанесших суду присяжных столь тяжкие увечья, ясно свидетельствовала о сильном подъеме реакционного движения против основ судебной реформы, которое, если не возникало в министерстве юстиции, то находило в нем податливого исполнителя» [21]. Новые шаги по осуществлению этой программы были сделаны в конце 1880-х гг. Так, 7 июля 1889 г. был издан указ, ограничивший компетенцию суда присяжных. Из компетенции суда присяжных был изъят ряд дел, например, все дела об убийстве и насильственных действиях против должностных лиц, совершенных при исполнении ими служебных обязанностей; дела о сопротивлении распоряжениям правительства и неповиновения установленным властям [22].

В целом, конец 1880-х гг. стал временем чрезвычайно острой борьбы вокруг судьбы судебной реформы 1864 года. Консервативные элементы в обществе настойчиво доказывали необходимость отказа от принципов реформы и о возвращении к дореформенным порядкам. В частности, ярким проявлением консервативной критики судебной реформы стал упомянутый труд В.Я. Фукса «Суд и полиция», ставивший цель показать, что новые судебные органы не справляются со своей задачей. В.Я. Фукс используя богатый фактический материал, приводил в первую очередь отрицательные стороны судебной жизни, примеры невежества судей и следователей, случаи произвола, необоснованные вердикты присяжных заседателей. При этом, не задаваясь вопросом о типичности данных явлений, он делал вывод о непригодности Судебных уставов.

И все же, несмотря на мощный натиск реакции, суд присяжных удалось отстоять. В отличие от него, более печально сложилась судьба мировых судов. В 1889 г. институт участковых мировых судей был ликвидирован повсеместно, за исключением Петербурга, Москвы и еще нескольких городов (Нижегород, Харькова, Одессы и др.). И только законом от 15 июня 1912 г. мировой суд с небольшими коррективами вновь был восстановлен на основе Судебных уставов 1864 г.

В годы контрреформ критика судов стала излюбленным занятием консервативных сил. В то же время либеральная общественность, напротив, стремилась меньше критиковать их, дабы сохранить принципиальные основы реформы 1864 года. Наибольшей остроты дискуссия о суде присяжных достигла в середине 90-х гг. XIX в. Данное обстоятельство было связано с тем, что в 1894 году Александром III был подписан указ о создании комиссии по пересмотру законоположений судебных уставов 1864 года.

Одним из наиболее трудных для обсуждения вопросов в комиссии вновь стал вопрос о суде присяжных. С 29 по 31 декабря 1894 г. в Петербурге проходило совещание высших представителей судебных округов - старших председателей и прокуроров судебных палат. На А.Ф. Кони было возложено руководство совещанием, на котором обсуждались важнейшие вопросы судостроительства и судопроизводства, в том числе был поднят вопрос о деятельности суда присяжных, направленный в первую очередь на изменение его организации и характера работы. Результаты совещания сразу же стали известны обществу, так как «Журнал Министерства юстиции» поместил на своих страницах статью А.Ф. Кони, которая представляла собой своеобразный отчет о работе этой комиссии и ее итогах [23]. В статье указывалось, что на этом совещании были подробно рассмотрены все обвинения против суда, при этом юристы почти

единогласно (18 голосов против двух) проголосовали за сохранение суда присяжных в России.

В целом, как показали итоги работы Комиссии по пересмотру судебного законодательства и, особенно, результаты совещания старших председателей и прокуроров судебных палат при Министерстве юстиции 1895 года, общественность однозначно высказалась за суд присяжных. Однако эти настроения встретили противодействие консерваторов. В частности, противником решений совещания 1895 г. выступил прокурор Петербургской судебной палаты В.Ф. Дейтрих [24]. Его позиция была активно поддержана правой печатью [25]. Это оказало определенное влияние на работу над проектами новой редакции Учреждения судебных установлений, уставов уголовного и гражданского судопроизводства, которая закончилась в мае 1899 года. Их анализ показывает, что под возможным ударом в это время оказались и суды, и адвокатура, и прокуратура.

В 1901 г. доработанные проекты были внесены на рассмотрение Государственного совета, однако в силу разных причин так и не были утверждены правительством. Тем не менее, попытки контрреформ продолжались. Новый проект закона, реформирующего прокуратуру, был создан в начале нового столетия. Предусматривавший серьезное усиление контроля за адвокатурой (дисциплинарная ответственность адвокатов перед особым присутствием судебной палаты контроль прокуратуры за принятием в сословие адвокатов и пр.), проект был в основном негативно воспринят, «точно из него исчез прежний дух» реформы 1864 года [26].

В условиях нарастания революционного кризиса, в начале XX столетия позиции правых все более слабели. Одновременно происходила значительная активизация либеральной общественности, появившихся революционных партий и организаций. В конечном счете, это обусловило переход правительства в «отступление». В частности, это показали законы

лета 1904 года, прежде всего, Высочайше утвержденное 7 июня мнение Государственного Совета «о некоторых изменениях в порядке производства по делам о государственных преступлениях». В соответствие с ним, произошел отказ от восторжествовавшей после 1881 года и, по сути, незаконной практики административных решений по политическим делам (в т.ч. с заключением в тюрьму, отправкой в ссылку и пр.). Теперь было установлено, что такие меры могли приниматься только на основании судебного решения [27].

Подводя итоги статьи, отметим, что буржуазные реформы 1860-1870-х годов стали ответом России на вызов динамично развивающихся стран мира. Судебная реформа, внесшая большие изменения в российскую правовую практику, оказалась при этом одной из наиболее прогрессивных. Однако власти проявили здесь крайнюю непоследовательность, постоянно обнаруживая стремление к попятному движению.

Ярким отражением ценностного конфликта между традиционализмом власти и поддерживавших ее сил и альтернативными либеральными ценностями стала широкая общественная дискуссия вокруг судебной реформы. При этом консервативный, негибкий, слабо восприимчивый к новому режим оказался довольно податлив под натиском критиков консервативного лагеря. Соответственно, обнаружившееся в ходе дискуссии торжество крайних, взаимоисключающих точек зрения, во многом стало следствием отказа правительства от последовательной модернизации. В свою очередь, это хаотизировало правовую жизнь российского общества, максимально усилило правовой нигилизм во всех его слоях. Пока в прессе, различного рода собраниях велись ожесточенные споры о перспективах развития России, в том числе и ее судов, деградировала и правовая культура населения, и государственный аппарат. Причем как административная власть, так и судебная система.

Список литературы

1. РГА СПб. Ф.722. Оп.1. Д.455. Л.1.
2. Российское законодательство X – XX веков / Под общ. ред. проф. О.И. Чистякова. Т. 8. М., 1991. С. 146.
3. Машковец Т.В. К вопросу о состязательности // Вопросы советского уголовного процесса. М., 1958. С. 264.
4. Блинов И.А. Ход судебной реформы 1864 г. // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. Т. 1. Пг., 1914. С. 224-226.
5. Джаншиев Г.А. Эпоха великих реформ. М., 1900. С. 461.
6. Голос. 1871. №188.
7. М.М. Так называемое «нечаевское дело» и отношение к нему русской журналистики// Отечественные Записки. 1871. №9. С.265-266.
8. Московские Ведомости. 1871. №161.
9. Санкт-Петербургские Ведомости. 1871. №216.
10. Гражданин. 1874. № 37; 1878. № 15; С. 290-291; №№ 16-17. С. 315-217 и др.
11. Катков М.Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». М., 1897. С. 81-82; 153-154, 169-170; 232-235; 242-244, 248-250; 743-744; и др.
12. Чубинский М.П. Судьба судебной реформы в последней трети XIX века / Чубинский М.П. Статьи и речи по вопросам уголовного права и процесса. (1906-1911 гг.). Т. 2. СПб., 1912. С. 219.
13. Троицкий Н.А. Безумство храбрых: русские революционеры и карательная политика царизма. 1876-1882 гг. М., 1978. С. 185-202.
14. Отголоски. 1879. 10 июня. №23.
15. Отголоски. 1879. 22 июля. №29.
16. Отголоски. 1879. 21 октября. №42.
17. Катков М.Н. Судебный салют рабочему вопросу (Стачка на Никольской фабрике и суд присяжных над виновными) // Катков М.Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1886 г. М., 1897-1898. С. 272-274.
18. Фукс В. Суд и полиция. В 2-х ч. Ч. 2. М., 1889. С. 77-78.
19. Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени... М., С. 379, 155-156, 109-110.
20. Победоносцев К.П. Тайный правитель России: К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. 1866-1895. Статьи. Очерки. Воспоминания. М., 2001. С. 187.
21. Джаншиев Гр. Суд над судом присяжных (по поводу статей г. Дейтриха и Гражданина). М., 1896. С.10.
22. Джаншиев Г.А. Новелла 7-го июля 1889 г. о сокращении юрисдикции суда присяжных // Джаншиев Г.А. Основы судебной реформы. М., 2004. С. 152.
23. Кони А.Ф. О суде присяжных и о суде с сословными представителями

// Журнал Министерства Юстиции. 1895. № 4. С. 1-32.

24. Журнал Министерства Юстиции. 1895. №6.

25. Московские ведомости. 1895. №128.

26. Винавер М.М. Очерки об адвокатуре. СПб., 1902. С.16.

27. Новые течения в судебном мире// Вестник Европы. 1904. Т.V. Кн. 9. С.314-315.